

© 1994 г. Н.А. КОЗИНЦЕВА

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

(проблемы типологического анализа)

Язык как естественная знаковая система характеризуется целым комплексом признаков, отличающих его от знаковых систем, искусственно созданных людьми. Помимо структурной сложности, естественному языку свойственно сопровождать передачу некоторой объективной информации, выражением авторской позиции говорящего, его субъективного отношения к сообщению. Одним из семантических параметров высказывания, отражающих это отношение, является отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим. Языки могут быть устроены так, что 1) говорящий всегда имеет возможность строить свое высказывание, не указывая на источник своих знаний; 2) говорящий обязан в определенных ситуативных условиях указать источник, на котором основаны его сведения. Таким источником могут быть: а) собственные наблюдения говорящего (прямое свидетельство); б) сведения из вторых рук, умозаключение (непрямое, или косвенное свидетельство).

Настоящая работа ставит своей целью на базе существующих исследований категории эвиденциальности, накопивших разнообразный языковой материал и содержащих попытки его теоретического осмысления, поставить задачу разработки целостного типологического описания этой категории как сетки логических возможностей, которая определяет положение каждого языка в типологическом пространстве. Нами будут рассмотрены определение, семантика и средства выражения эвиденциальности, связь этой категории с другими семантическими и грамматическими категориями, вопросы, связанные с анализом происхождения данной категории. Одним из результатов этой работы является прилагаемая к ней анкета, вопросы которой определяются представлениями автора о существенности тех или иных языковых фактов для типологии. Составление анкеты – один из обязательных этапов типологического исследования, который в данном случае призван стимулировать дальнейшее изучение эвиденциальности (о методике типологических исследований см. [1]).

В языках мира существуют разнообразные средства, указывающие на косвенный характер информации. Возможно также специальная маркировка тех случаев, когда говорящий подчеркивает, что был очевидцем описываемого им события. В одних языках данные значения, объединяемые термином "эвиденциальность", являются грамматически обязательными для оформления высказываний определенных типов – тюркских, кавказских, финно-угорских, в языках американских индейцев, африканских и др. В других языках, как, например, в русском, английском, немецком, французском и др., эти значения передаются тексически.

Таким образом, используя определение, данное Р.О. Якобсоном [2], эвиденциальность можно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на слух (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность.

Другие термины для обозначения данного понятия: пересказывательность/непересказывательность, инференциальность/неинференциальность, очевидность/неочевид-

ность (заглазность), засвидетельствованность/незасвидетельствованность, конфирмативность/неконфирмативность, дистантность (±), имперцептив. Из перечисленных терминов в качестве обобщающего прием эвиденциальность, которая относится как к случаям очевидности, конфирмативности, непересказываемости, так и неочевидности, неконфирмативности, пересказываемости. Приведенные термины в большинстве образованы по принципу привативной оппозиции: выраженность/невыраженность признака. Эвиденциальность как термин допускает разнообразных эпитеты (прямая, непрякая, косвенная, из вторых рук, из третьих рук, инференциальная и пр.), что дает возможность построить шкалу подтипов данного значения. В дальнейшем для обозначения семантики, связанной с указанием на источник сведений говорящего, будет использоваться термин "эвиденциальность" и его русский перевод — "засвидетельствованность" с различными эпитетами.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДТИПЫ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Семантика высказываний, передающих указание на источник информации говорящего, может быть представлена как содержащая рамочную (EV) и пропозитивную части (P):

Г сообщает, что [X видел/полагает/узнал, что] P, где Г — говорящий, X — субъект модуса EV ("хозяин" информации). Информация может быть получена посредством: 1) чувственного восприятия, 2) логического умозаключения, 3) сообщения.

Чувственное восприятие может детализоваться как: а) зрительное, б) слуховое, в) основанное на общих ощущениях.

Как показывает материал языков американских индейцев, обобщенный в работе [3], граница между прямым и косвенным свидетельством в языках может проходить по-разному. В языке патвин специально маркируется прямая засвидетельствованность, основанная на данных зрения:

(1) патвин

behna?u meem khontaro bees

Назавтра вода высохла EV:DECLARATIVE

"На следующее утро вода высохла" [3, с. 65]¹.

В языке винту прямая засвидетельствованность понимается как основанная на зрительном восприятии и специально не маркируется. Все остальные подтипы чувственного восприятия маркируются как косвенная эвиденциальность. При этом дифференцируются следующие разновидности чувственного восприятия:

а) слуховое — говорящий слышал те события, о которых он говорит:

(2) винту

heket wira waçaabintheem

кто-то приходит плакать: IMPERF:EV:DUBITATIVE

"Кто-то идет и плачет (я это слышу): [3, с. 65];

б) основанное на общих ощущениях:

(3) винту

čepkal neel baabinthida

плохой мы есть: IMPERF:EV:WE

"Мы съели что-то плохое (я это чувствую)" [3, с. 65].

Указывая, что передача фактов основана на косвенном свидетельстве, говорящий ставит своей целью информировать о том, что не был очевидцем Р и что у него нет полной уверенности в достоверности сообщаемого, снимая тем самым с себя ответственность за утверждение. К области косвенной эвиденциальности в языках различных типов несомненно относятся случаи, когда высказывание основано на умозаключении (инференциальность) или на сообщении другого лица (пересказываемость).

¹ Здесь и далее оформление примеров заимствованных из научной литературы, сохраняется без изменений

Утверждение основывается на логическом выводе, когда в случае поиска причины наблюдаемой ситуации говорящий восстанавливает ситуацию, о которой делается сообщение, по некоторым наличным признакам. Инференциальность может передаваться недифференцированно:

(4) тепехуан

vahii *vak kugi*

COMPLETIVE:уехал EV AFFIRMATIVE

"Значит, должно быть, он уехал" [3, с. 69],

либо дифференцированно, а именно:

а) как вывод по наличным (зримым) результатам:

(5) винту

heke maan haraakireem

куда-то восклицание идти COMPLETIVE:EV:DUBITATIVE

"Он, видимо, куда-то ушел" (я его не вижу) [3, с. 65];

б) как вывод на основе интуиции, общих знаний, логики, снов, мыслительной деятельности:

(6) винту

?imtoon nuqaa?el

ягоды спелый:EV

"Ягоды, должно быть, спелые" (в это время года) [3, с. 65].

Пересказывательность также может выражаться недифференцированно, как, например, в следующем примере:

(7) тепехуан

tukua? *ʃo*

DISTRIBUTIVE:кушать EV

"Он ест" (в ответной реплике) [3, с. 69],

либо может, в свою очередь, подразделяться на следующие разновидности:

а) сообщение человека, который был свидетелем события, пересказ из вторых рук:

(8) тепехуан

bai? sap ʃihim

к EV IMPERATIVE:идти

"Иди сюда (он сказал)" [3, с. 69];

б) сообщение человека, который сам не был свидетелем события, пересказ из третьих рук:

(9) тепехуан

pai? na sak pui? titi? Jaaraʃca?m

там что EV так называлось краб:на

"Там то, что называется, Crab Place" [3, с. 69].

Передача высказывания другого лица может быть нейтральной, но может быть также сопряжена с выражением собственного эмоционально-оценочного отношения говорящего к передаваемой информации, ср.:

(10) болг.

Ти тези работи още не ги разбираш! – Тъй ли?... магаре краставо! Не съм ги разбирал! (К.К.)

"Ты этих вещей еще не понимаешь! – Да?... паршивый осел! Так (по-твоему) я их не понимаю!" [4, с. 272].

Одной из распространенных функций форм, передающих значение косвенной эвиденциальности, является адиративность – выражение удивления по поводу неожиданного обнаружения факта имеющего место в момент речи:

(11) болг.

Като видяха Павел, те и трите се спяха изненадани и учудени... – Гледай, гледай, гост сме имали, а не знаем (Е.П.)

"Увидев Павла, все три остановились в изумлении. – Посмотри-ка, у нас гость, а мы не знаем" [4, с. 275].

Возникает вопрос о том, каким образом семантически адмиративность связана с косвенной эвиденциальностью, формами которой она обычно передается. Можно предположить, что эта связь основана на самоотстранении говорящего от ситуации, по поводу которой высказывается удивление. Говорящий представляет себя как "неоче-видца", для которого описываемая ситуация либо действительно неожиданна и вызывает удивление, либо говорящий в силу каких-то причин неискренен. Таким образом, в данном случае формы косвенной эвиденциальности выступают в несобственном – переносном ("как будто") – значении.

Рассмотрим возможные соотношения между говорящим как участником коммуникативной ситуации (роль слушающего в данном случае нерелевантна) и субъектном модуса. Говорящий может быть субъектом модуса в том случае, если источником информации является его собственное непосредственное наблюдение или логическое умозаключение. Если источником информации является сообщение другого лица, то говорящий не является субъектом модуса.

Обратимся теперь к возможным соответствиям между говорящим и ситуацией, передаваемой в пропозитивной части: говорящий может быть или не быть участником этой ситуации. Участие говорящего в ситуации не влечет автоматически значения прямой эвиденциальности – если говорящий был без сознания, во сне или с ним произошло некоторое событие независимо от его сознания (т.е. говорящий не имел контроля над ситуацией), то обычно такое положение дел, о котором говорящий знает от других, в языках передается с помощью показателей косвенной эвиденциальности (см. ниже примеры 22, 35, 36). В том случае, если говорящий не является участником ситуации, выражаемой пропозитивным компонентом, он также может быть ее очевидцем, сообщить о ней понаслышке или на основании своих умозаключений.

Учитывая указанные соотношения говорящего и компонентов EV и P, частные значения эвиденциальности можно представить в следующей таблице:

Исчисление частных значений эвиденциальности

Способ получения информации	Субъект модуса EV		
	Говорящий		Не-говорящий
	Участник P	Не-участник P	
Прямое восприятие зрительное	ПЭ	(1, 20) ПЭ	(5) КЭ
не зрительное	(3) ПЭ/КЭ	(2) ПЭ/КЭ	
Логический вывод	(21) КЭ	(4, 5, 6) КЭ	КЭ
Сообщение			(7, 9) КЭ

Примечание: в скобках указываются NN примеров, в которых реализуется данная комбинация признаков; ПЭ – прямая эвиденциальность, КЭ – косвенная эвиденциальность; ПЭ/КЭ – зоны, в которых граница между ПЭ и КЭ подвижна. В некоторых клетках нет примеров, что может быть связано со следующими факторами: а) маркировка прямой засвидетельствованности действия, в котором принимает участие говорящий, по-видимому избыточна; б) специальное обозначение косвенной засвидетельствованности на основании логического вывода, делаемого не-говорящим, – редкая ситуация, которая дополнительно осложнена тем, что в любом случае информация, полученная так или иначе, передается говорящему посредством сообщения.

В представленном исчислении имеется единственная нереализуемая клетка, отражающая несовместимость представления в качестве субъекта модуса EV говорящего и способа получения им информации через сообщение. Дальнейшая детализация этой классификации может быть основана на различии по признаку участия/неучастия в P субъекта модуса, представленного не-говорящим.

2. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Существенным является различие двух типов языков: 1) языки, которые имеют специальные средства для выражения эвиденциальности, и 2) языки, в которых эвиденциальность выражается совмещенно с другими значениями, модальными и аспектуальными, ср. [5, 6].

Специализированные средства

Среди специализированных средств можно выделить морфологические и лексико-синтаксические.

1. Морфологические средства. К морфологическим следует отнести формы, трактующиеся в грамматиках как пересказывательное наклонение, — в болгарском, албанском, абсентив в уральских языках, заглазное наклонение в таджикском, арчинском.

Множество специфических морфем и аналитических форм распространено в языках американских индейцев, в сино-тибетских, африканских языках.

2. Лексико-синтаксические средства.

1) Сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, подчиненным модусному глаголу:

(12) *Говорят, что...*

2) Союз. В языке руанда (группа банту) противопоставление по эвиденциальности сопряжено с выражением асертивного статуса пропозиции, передаваемого придаточным изъяснительным, которое может присоединяться с помощью следующих союзов:

а) *ko*, если говорящий нейтрально относится к истинности высказываемой информации:

(13) руанда

ya-vuze ko a-zaa-za

он-PAST-говорить что он-FUT-приходить

"Он сказал, что придет (говорящий нейтрален относительно истинности придаточного)" [7, с. 30];

б) *ngo*, если говорящий имеет прямое свидетельство, заставляющее его сомневаться относительно истинности придаточного предложения

(14) руанда

ya-vuze ngo a-zaa-za

он-PAST-говорить что он-FUT-приходить

"Он сказал, что придет (но у говорящего есть прямое свидетельство, заставляющее сомневаться в его приходе)" [7, с. 30];

в) *kongo*, если говорящий имеет косвенное свидетельство, заставляющее его сомневаться относительно истинности придаточного предложения:

(15) руанда

ya-vuze kongo ya-zaa-za

он-PAST-сказать что он-FUT-приходить

"Он сказал, что придет" (но у говорящего есть косвенное свидетельство, заставляющее сомневаться в его приходе) [7, с. 30].

3) Модальные слова, например, *экан* и *эмиш* в узбекском языке:

(16) узб.

У келган экан

"Он пришел говорят" [8, с. 175].

4) Вводный оборот, выраженный модусным глаголом:

(17) *Как мне стало известно, завтра состоится совещание.*

(18) *Петров, говорят, поправился.*

5) Обстоятельства, указывающие на косвенный источник информации: англ. *allegedly* "ссылаясь", *reportedly* "как сообщается", на выводной характер информации: *evidently* "очевидно", *apparently* "по-видимому", русск. *очевидно*, *по-видимому*.

6) Частицы, восходящие к глаголам сообщения: русск. *де, мол, якобы, дескать*, выражающие сомнение, например:

- (19) *Он де не виноват* ("кто-то или он сам говорит, считает, утверждает..."), о средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке см. [9].

Совмещенные формы

Грамматический статус эвиденциальных форм (видо-временные формы или наклонение?) зависит от морфологической системы языка. В болгарском языке говорят об особой категории или с оговорками о эвиденциальном наклонении, так как в этом языке различаются две системы форм: "прямое повествование" и "косвенное повествование" [4]. Другой полюс – язык такельма, в котором формы времен и наклонений выражаются синкретично и данные категории образуют единство (Сэпир называет их *tense-modes* [10, с. 157]). Форма эвиденциальности в языке такельма входит в ряд: аорист, будущее, потенцилис, настоящее время императива, будущее время императива. Каждая из этих форм имеет собственный набор местоименных окончаний. Помимо данного набора окончаний эвиденциальная форма морфологически выделена специальным показателем *-k'-(g-)*, который сохраняется во всех залогах, например:

- (20) такельма

mena yap'a t!omōk'wa
медведь человека он.убил.его (аорист)
"Медведь убил человека";

- (21) такельма

mena yap'a dōmk'wa-k'
медведь человека убил.по-видимому (эвиденциалис)
"По-видимому, медведь убил человека" [10, с. 158].

Указание на источник информации обычно передается совмещенно с видо-временными значениями индикативных форм.

Более распространено выражение подтипов эвиденциальности формами прошедшего времени аористом, перфектом, плюсквамперфектом, имперфектом.

В этом случае маркируется прямая эвиденциальность и только иногда дифференцируются разные подтипы косвенной эвиденциальности. Болгарский и македонский передают очевидность и инференциальность, соответственно, прошедшим определенным (аористом) и неопределенным прошедшим (перфектом). Установлено, что в ряде языков аорист выражает преимущественно прямую засвидетельствованность, т.е. маркированным грамматически является значение прямой засвидетельствованности. Перфект же не во всех своих употреблениях передает косвенную засвидетельствованность, таким образом, незасвидетельствованность является немаркированным признаком.

В турецком языке противопоставление форм на *-di* (аорист) и на *-miş-* (перфект) используется для передачи прямой/косвенной эвиденциальности не всегда последовательно. Форма прошедшего времени на *-miş-* совмещает результиativное и пересказывательное значения [11, 12]. Пример реализации результиativного значения:

- (22) турецк.

Yorul-miş-um
Устать-RES-1SG
"Я устал" [12, с. 280].

Пример реализации пересказывательного значения:

- (23) турецк.

Uyu-miş-um
Спать-EV-1SG
"Я, должно быть, заснул" [13, с. 160].

Употребление формы на *-miş* предполагает инференциальность – вывод говорящего о прошедшем действии делается на основе каких-либо признаков, доступных восприятию.

Другая форма прошедшего времени на *-di* также может употребляться для обозначения незасвидетельствованных действий:

(24) турецк.

Karim bir mektup yaz-di

"Моя жена написала письмо" (если речь идет о письме, написанном говорящему)

[12].

Единственный тип предложения в турецком, который не допускает употребления прош. вр. на *-di*-, – это антиафfirmатив (*Я сомневаюсь, что ...*):

(25) турецк.

*Inanmiyorum ki o adam bunu *yap-ti/yap-miş*

"Я не верю, что тот человек сделал (*-di) это" [11].

Противопоставление по прямой/косвенной эвиденциальности в настоящем времени зафиксировано в лакском языке [14, 15].

3. СООТНОШЕНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ

Эвиденциальность и эпистемическая модальность

Эвиденциальность близка по своему содержанию к эпистемической модальности. Разграничение эвиденциальности и эпистемической модальности проводят авторы работы [16]. С их точки зрения, говорящий прибегает к эпистемической модальности, характеризуя ситуацию в отношении к актуальному и потенциальному мирам. Этот тип модальности охватывает области возможности и необходимости, ср. гипотетическая возможность:

(26) *I could have died*

"Я мог умереть".

По данным работы [16], это характеристика актуальности ситуации *per se*, которая не совпадает с указанием на источник информации. Соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности рассматривается в [7]. Гивон строит следующую схему:

а) высшая степень достоверности пропозиции – противопоставление по эвиденциальности не используется (говорящий сам вовлечен в действие либо выражена фактивность пропозиции);

б) степень достоверности нейтральная (средняя) – эвиденциальность маркируется (пропозиция не является фактивной);

в) самая нижняя степень достоверности – недостоверность (гипотетичность) – эвиденциальность невозможна.

Таким образом, противопоставление по эвиденциальности релевантно для тех случаев, когда степень достоверности нейтральная.

В тех случаях, когда достоверность/недостоверность выражена специально – с помощью модусного предложения, значение прямой или косвенной эвиденциальности существенно для выбора формы сказуемого в подчиненном предложении.

Контекст прямой засвидетельствованности – подчинение глаголу знания, непосредственного восприятия, утверждения, имплицитующих истинность (фактивность) включенной предикации:

(27) *Я знаю, удостоверяю, свидетельствую, клянусь, что...*

Антиафfirmативный контекст (*Я сомневаюсь, что...*) не допускает употребления форм прямой засвидетельствованности. Так, например, показатель косвенной засвидетельствованности *ngo* в языке руанда не сочетается с фактивной пропозицией:

(28) руанда

а. *n-uku-ri ko amazi zari mare-mare*

ВЕ-правда что вода была глубокая-глубокая

"Правда, что вода была очень глубокой"

b. *n-uku-ri ngo amazi yari mare-mare [7, с. 28].

Таким образом, нефактивная пропозиция в руанда характеризуется как незасвидетельствованная. Выше отмечалось, что данный контекст требует в турецком употребления формы перфекта в зависимом предложении, что связано с антиафfirmативностью этой формы.

Эвиденциальность и императив

Одним из подтипов косвенной засвидетельствованности является собственно пересказывательность, т.е. передача чужой речи, вследствие чего в сферу действия показателя эвиденциальности может попасть высказывание не о реальном действии, а сам императивный речевой акт. Пересказывательные формы императива указывают на то, что прескриптором является не говорящий, а другое лицо. Такие формы могут использоваться для нейтральной передачи повеления, см. пример (8), а также:

(29) кора

šaatauhka?anye

yee heice?e

вы:PLURAL:COMPLETIVE:PERFECTIVE:REFLEXIVE:лить EV больше

"Лейте на угли, все вы, больше (сказал он)" [3, с. 68];

(30) лакск.

Nani tar, nani tar

Давай.пойдем EV, давай.пойдем EV

"Давай пойдем, она говорит, давай пойдем, она говорит" [16].

В других случаях не прямое цитирование императивного высказывания может быть сопряжено с выражением недоверия, сомнения говорящего в целесообразности повеления. Ср. следующий пример:

(31) <Обломов пересказывает советы доктора> Ты послушай, что он тут наговорил:

"живи я где-то на горе, поезжай в Египет или в Америку" (И. Гончаров).

Конструкция да + пересказывательные формы служит для пересказывания форм повелительного наклонения и конструкций да + наст. вр., содержащихся в передаваемом чужом высказывании. Ср. примеры:

(32) болг.

– Че какво да правя в Пловдив? – Юрталана сви устни и тръсна глава: – Виж го ти него – какво да правел в Пловдив? (Г.К.)

"– А что мне делать в Пловдиве? Ю. сжал губы и потряхнул головой: – Ну и ну (букв. Посмотри на него), что ему делать в Пловдиве?" (т.е. как это он задал вопрос, что делать в Пловдиве) [4, с. 288];

(33) болг.

Но защо сега нещо му беше тъмно и чоглаво? Да оставел Деяна... Да се борели. Но с кого? И как? (Г.К.)

"Но почему ему сейчас было что-то непонятно и не по себе? Оставить Деянова...

Бороться... Но против кого? И как?"

(говорящий воспроизводит содержание советов, данных ему другим лицом: Остави Деяна) [4, с. 288].

Эвиденциальность и условное наклонение

В существующих описаниях обычно отмечается, что формы условного наклонения не замещаются формами косвенной эвиденциальности при передаче незасвидетельствованных говорящим событий; относительно болгарского языка см. например [17].

Эвиденциальность и лицо

Формы косвенной эвиденциальности чаще характеризуют действие третьего лица, так как говорящий является очевидцем своих действий или действий адресата.

Перфектные формы 1 л. обычно не имеют пересказывательного значения, ср.:

(34) груз.

Bevri vai-vaglaxi minaxavs čems sicocxleši

"Я много видел в жизни горя" [18].

Тем не менее косвенная эвиденциальность действия, совершаемого 1 л., может быть выражена в следующих случаях:

1) при сообщении говорящим о себе таких фактов, которые он сам не помнит, а потому передает с чужих слов:

(35) тадж.

Модарам рӯзу даврани кӯдакии маро ба ёд оварда ҳикоя кард, ки ман бисёр ором ва осуда будаам, гиряро ҳеҷ намедонистаам вақти зид хоб мерафтаам

"Моя мать, вспоминая как-то дни моего детства, говорила, что я, оказывается, был очень спокойным, совсем не плакал и большей частью спал" [19, с. 93].

2) при рассказе о том, что было совершено говорящим в бесчувственном состоянии, во сне и др.:

(36) тадж.

Шабӣ гузашта ман хоб дидам, ки ба осмон паридаам ва аз болои шаҳрҳои бусьер гузашта ба Тошкент расидаам

"Прошлой ночью я видел во сне будто бы я взлетел на небо и, пролетев над многими городами, попал в Ташкент" [19, с. 94];

3) в сообщении о ситуации, не известной слушающему:

(37) арчинск.

un dez beṣle erīli

"Ты мне черной стала (=Я тебя ненавижу)",

здесь заглазность подчеркивает новизну сообщения для слушающего [20, с. 231].

Гивон [7] и Вудбери [21] приводят случаи нейтрализации данного противопоставления для формы 1 л. в сино-тибетском языке шерпа (Непал).

В эстонском языке формы пересказывательного наклонения не различают лиц: *sa paluvat* "ты, якобы, спросил", *ta paluvat* "он, якобы, спросил" [22]. В коми-зырянском языке прошедшее неочевидное время (перфект) не имеет форм 1 л. ед. и мн. ч. [23].

Эвиденциальность и время

В тех языках, где противопоставление по засвидетельствованности выступает как оппозиция наклонений, возможно указание на косвенную засвидетельствованность как в отношении фактов в прошлом, так и в настоящем и в будущем. При этом в болгарской грамматике отмечается например, что передача с помощью форм пересказывательного наклонения фактов в прошлом более обязательна и поэтому носит нейтральный характер. Говоря о событиях в настоящем, можно использовать как пересказывательные, так и изъявительные формы. При этом при употреблении пересказывательных форм больше чувствуется оттенок сомнения, неодобрения или иронии:

(38) болг.

Аз дори не я познавам. – Не я познавал!

"Я даже ее не знаю. – Не знает ее!" (Весь свет ее знает, а он не знает!) [4, с. 275].

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

На материале языков американских индейцев было показано, что маркеры прямой засвидетельствованности во многих случаях восходят к глаголам чувственного восприятия. Показатели пересказанной информации восходят к глаголам речи, а

формы, передающие выводную информацию, образованы либо от совершенных форм, либо от глаголов зрительного восприятия [3, с. 79].

В истории балкано-славянских и турецкого языков имеется общая тенденция, заключающаяся в том, что формы определенного прошедшего (аориста) в этих языках получают значение маркированной прямой засвидетельствованности [11]. Вместе с этим (или благодаря этому) прошедшее неопределенное (первоначально совершенное) во всех этих языках преобразовалось в немаркированное прошедшее, контекстуальным вариантом значения которого выступает косвенная эвиденциальность. Это явление наблюдается во многих языках и не должно рассматриваться только как ареальное. Развитие совершенного в немаркированное прошедшее прослеживается в русском, французском, немецком и других языках. Связь косвенной эвиденциальности и совершенных форм установлена в финно-угорских языках. В коми-зырянском, марийском и удмуртском языках выделяется наклонение абсентива, формы которого связаны с совершенным [23]. Семантическая связь между совершенным значением (результативом) и засвидетельствованностью основана на том, что оба этих значения имплицитно действие в прошлом не данное в непосредственном восприятии [24].

Вместе с тем представляется необходимым обратить внимание на справедливое замечание А.М. Щербак о том, что семантическая двойственность совершенного (указание на действие, происходившее до момента речи, отсюда близость к простому претериту, и указание на результативное состояние и связанная с этим отнесенность к настоящему) приводит к тому, что на первом плане в зависимости от ситуации речи и контекста может актуализироваться именно акциональное (а не результативное) значение. Тогда значение неочевидности оказывается связанным непосредственно именно с повествовательной функцией совершенного, ср. [25]. Примечательно, что общей функциональной особенностью форм, выражающих пересказывательное значение в индоевропейских языках балканского ареала, а также в армянском, латышском, литовском, таджикском, является их способность использоваться в качестве повествовательных временных форм [26].

Изучение истории становления пересказывательного значения совершенного требует анализа синтаксического функционирования причастия прошедшего времени (совершенного причастия), являющегося компонентом перифрастического совершенного. В исследованиях по болгарскому языку обращалось внимание на отсутствие вспомогательного глагола в аналитических формах пересказывательности, содержащих причастие прошедшего времени. В связи с этим можно упомянуть также случаи самостоятельного употребления в качестве сказуемого причастия прошедшего времени в древнеармянском языке.

В произведениях эпической прозы на древнеармянском языке допускалось употребление ряда причастий прошедшего времени, передающих последовательные действия, см. [27–29], например:

(39) др.арм.

<i>Yets₁ kac-eal₂</i>	<i>yuxtēn</i>	<i>k'ristonēut'ean</i>	<i>ew</i>
Отступив _{1,2} -PAST.PART	от обета	христианского	и
<i>awer-eal</i>	<i>z-bazum</i>	<i>telis</i>	<i>Hayoc ašxarhin.</i>
разорив-PAST.PART	ACC-многие	места	Армянского мира
<i>ar-eal</i>	<i>awer-eal</i>	<i>ew hrjig</i>	
взять-PAST.PART	разорить-PAST.PART	и	поджог
<i>arar-eal,</i>	<i>ew z-amenecun jer</i>	<i>z-entanis</i>	
произвести-PAST.PART	и ACC-все	ваши	ACC-семьи
<i>p'axic-eal</i>	<i>merž-eal</i>	<i>yiwrak'anč'wr</i>	<i>bnakut'enē</i>
бежать-PAST.PART	покинуть-PAST.PART	свое	проживание:ABL
<i>Jern ark-eal</i>	<i>ew i surb</i>	<i>eketecis-n,</i>	
Руку	наложить-PAST PART	и на	святые церкви-DEF

tar-eal *ew z-surb* *spas ekelecwoy-n* *setanoy*,
 уносить-PAST.PART и ACC-св.сосуд церковь:GEN-DEF престол:GEN
geri var-eal *z-entanis* *k'ahanayic*, *ew z-nosin*
 плен увести:PAST.PART ACC-семья священников и ACC-их
kap-eal *ew ed-eal* *i bandi* (Египше, 79)

связать-PAST.PART и заключить-PAST.PART в тюрьму

"Отступив от обета христианского и разорив многие места... взял, разорил и произвел поджоги, и все ваши семьи заставил бежать, покинув святые места своего пребывания. Наложил руку и на святые церкви, унеся и святые сосуды церковного престола, увел в плен и семьи священников, а их (самых повелел) связать и заключить в тюрьму"².

В специальной литературе обсуждается вопрос о том, следует ли данное употребление рассматривать как элиминацию вспомогательного глагола при форме перфекта либо трактовать эти случаи как особое употребление аппозитивного причастия прошедшего времени в нарративной функции. Аргументом в пользу последнего решения выступает то, что сложное прошедшее в древнеармянском не употреблялось для передачи последовательных действий [30].

Как бы ни расценивать формы в примере (39), очевидно, что подобные употребления являются предпосылкой развития значения косвенной засвидетельствованности перфекта современного армянского языка.

В результате проделанного обзора семантики и средств передачи эвиденциальности можно предложить следующие вопросы для описания рассмотренной категории в языках различных типов.

5. АНКЕТА

Есть ли в изучаемом вами языке специализированные средства передачи ситуаций, очевидцем которых не является говорящий, о которых он знает с чужих слов или догадывается на основе некоторых косвенных признаков?

Является ли передача данного значения обязательной в высказывании на изучаемом вами языке?

Какие из рассмотренных выше типов средств представлены в вашем языке? Возможно ли использование комбинации различных средств?

Какие из имеющихся средств являются центральными (преферентными), а какие – периферийными? На каком основании то или иное средство оценивается вами как центральное или периферийное?

Каков грамматический статус морфологических форм, передающих значение эвиденциальности, – формы наклонения или иной категории? Какие категории подчинены эвиденциальности? (Если данное значение передается особым наклонением или иной категорией, какие формы входят в ее состав?)

Какие подтипы значений эвиденциальности маркируются данными формами в вашем языке?

Выражается ли значение косвенной засвидетельствованности совмещенно с семантикой перфекта (неопределенного прошедшего)? Какие подтипы незасвидетельствованности передаются совмещенно с семантикой перфекта? Какие частные значения имеет данная форма вне контекста незасвидетельствованности? Как маркируется контекст незасвидетельствованности? (Сочетается ли выражение засвидетельствованности с помощью совмещенных средств (видо-временных форм) с употреблением специальных лексико-синтаксических средств?) Передает ли форма, противопоставленная перфекту, засвидетельствованность или она является нейтральной в отношении этого значения?

Для каких типов высказываний релевантно выражение значений эвиденциаль-

² *Египше*. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеармянского акад. И.А. Орбели. Ереван, 1971. С. 80.

ности? – Выражается ли эвиденциальность в высказываниях, описывающих реальные/гипотетические ситуации, истинные/ложные ситуации (тавтологии, противоречия), достоверные/недостоверные ситуации?

Как оформляется зависимый предикат в придаточном, подчиненном фактивным и нефактивным глаголам?

Возможна ли передача императивного высказывания с помощью форм прямой или косвенной засвидетельствованности? Является ли такая передача нейтральной или содержит тот или иной дубитативный оттенок?

Есть ли специальные средства для передачи других незасвидетельствованных говорящим речевых актов – вопроса, пожелания?

Существуют ли особые средства выражения эвиденциальности в высказываниях с формами условного и желательного наклонений? Какое из значений эвиденциальности при этом выражается?

Употребляются ли формы со значением косвенной эвиденциальности в условном предложении?

В каких ситуациях возможно употребление форм 1 и 2 л. в высказываниях со значением косвенной эвиденциальности? Имеют ли высказывания с этими формами нейтральный характер или они передают дубитативное (или иное) значение?

Каким временным формам изъявительного наклонения в изучаемом вами языке соответствуют формы пересказывания?

Имеют ли высказывания с формами настоящего и будущего неочевидного времени значение дубитативности или какое-либо иное значение? Каково происхождение форм эвиденциальности в изучаемом вами языке (внутреннее развитие форм, восходящих к перфектному причастию, к перфекту, к глаголам речи, и/или ареальное явление – под воздействием контактов с другими языками)?

Если происхождение форм эвиденциальности связано с ареальными контактами, то желательно указать, совпадают ли данные категории в контактирующих языках.

Как оформляется описание ситуаций в фольклоре (текстах, передаваемых из уст в уста)?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храковский В.С., Оглоблин А.К. Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы // ВЯ. 1981. № 4.
2. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.
3. Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in language. 1988. V. 12. № 1.
4. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
5. Молошина Т.Н. Категория пересказываемости болгарского глагола // Советское славяноведение. 1989. № 2.
6. Литвинов В.П. Типологический метод в лингвистической семантике. Ростов, 1986.
7. Givón T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. 1982. V. 6. № 1.
8. Насилов Д.М. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. Л., 1983.
9. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
10. Sapir E. The Takelma language of South-Western Oregon // Bureau of American ethnology. 1912. Bull. 40.
11. Friedman V.A. On the semantic and morphological influence of Turkish on Balkan Slavic // Papers from the fourteenth regional meeting Chicago Linguistic society. April 13–14. 1978.
12. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971. (=Acta universitatis Upsaliensis. Studia Turcica. 1.).
13. Aksu-Koc A.A., Slobin D.I. A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Ed. by Chafe W., Nichols. J. Norwood (New Jersey), 1986.
14. Friedman V.A. The category of evidentiality in the Balkans and the Caucasus // American contributions to the Tenth International congress of slavists. Sofia, 15–21 September 1988 / Ed. by Schenker A., Stankiewicz E., Worth D. Columbus (Ohio), 1988.
15. Friedman V.A. Status in the Lac verbal system and its typological significance // Folia Slavica. 1984. V. 7. № 1–2. P. 137.
16. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect and mood // Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.

17. Демина Е.И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 332.
18. Friedman V.A. Toward a typology of status: Georgian and other Non-Slavic languages of the Soviet Union // *The Elements: A parasession on linguistic units and levels*. Chicago, 1979.
19. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. М., 1964.
20. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М., 1977.
21. Woodbury A.C. Interactions of tense and evidentiality // *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology* / Ed. by Chafe W., Nichols, J. Norwood (New Jersey), 1986.
22. Collinder B. *Survey of the Uralic languages*. Uppsala, 1957. P. 155.
23. Серебrenников Б.А. Категория времени и вида в фино-угорских языках пермской и волжской групп. М. 1960. С. 58.
24. Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge 1976.
25. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981. С. 94.
26. Сытов А.П. Категория адмиватива в албанском языке и ее балканские соответствия // *Проблемы синтаксиса языков балканского ареала*. Л., 1979. С. 117.
27. Lionnet S. *Le parfait en arménien classique*. P., 1933.
28. Jensen H. *Altarmenische Grammatik*. Heidelberg, 1959.
29. Абрамян А. Причастия армянского языка и их морфологическое значение. Ереван, 1953 (на арм. яз.).
30. Jungmann P. Partizipien und analytische Verbalformen im Klassisch-Armenischen und im (Neu)-Westarmenischen // *KZ*. 1975. Bd 89. Hf. 1. S. 135.